

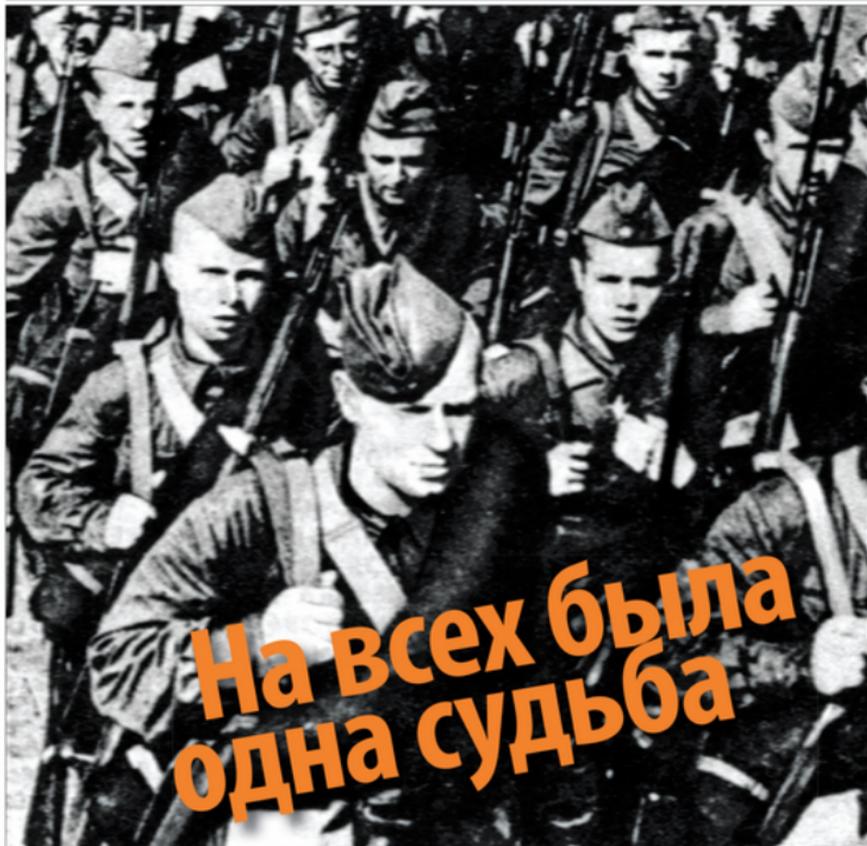
«Петербургский дневник» представляет

Александр СКОКОВ

В БЛОКАДНОМ ОГНЕННОМ КОЛЬЦЕ.

Взятый в огромные клещи,
под бомбежками, артобстрелами,
испытывая невиданные лишения,
Ленинград не только выдержал
осаду, но и снабжал фронт
оружием, боеприпасами,
снаряжением.

На всех была
одна судьба

Писатели на войне, писатели о войне

Александр Георгиевич Скоков
На всех была одна судьба
Серия «Писатели на
войне, писатели о войне»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18481766

*На всех была одна судьба: Информационно-издательский центр
Правительства Санкт-Петербурга ОАО «Петроцентр»,; Санкт-
Петербург; 2015
ISBN 978-5-91498-062-4*

Аннотация

По разработанному в июле – декабре 1940 года плану «Барбаросса» судьба Ленинграда была predetermined: стереть с лица земли. В документе 114 из «Главной квартиры фюрера» записано: «... капитуляция Ленинграда, а позднее Москвы не должна быть принята даже в том случае, если она была бы предложена противником...» Стремительно продвигавшиеся к Ленинграду немецкие войска были остановлены на Лужском рубеже на 45 дней. Началась великая битва за город на Неве, завершившаяся победным Салютом в январе сорок четвертого...

Содержание

В БЛОКАДНОМ ОГНЕННОМ КОЛЬЦЕ	6
ГРОМИЛ БРОНЕПОЕЗД ВРАГА	8
ГРОМИЛ БРОНЕПОЕЗД ВРАГА	8
С ВЫСОТЫ МАРИИНСКОГО ДВОРЦА	24
НАЧИНАЛАСЬ СЛУЖБА НА «МАРАТЕ»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Скоков

На всех была одна судьба

По разработанному в июле – декабре 1940 года плану «Барбаросса» штурм Москвы намечался только после захвата Ленинграда. Командующим группой армий «Север», нацеленной на Ленинград, был назначен «покоритель Европы» фон Лееб.

Войска вермахта управились с Данией за один день, с Голландией – за 6 дней, с Бельгией – за 2 недели. Францию оккупировали за полтора месяца...

Судьба Ленинграда была predetermined – стереть с лица земли. В документе 114 из «Главной квартиры фюрера» записано: «... капитуляция Ленинграда, а позднее Москвы не должна быть принята даже в том случае, если она была бы предложена противником...»

Продвигавшиеся к Ленинграду в среднем со скоростью 26 км в сутки немецкие войска были остановлены на Лужском рубеже на 45 дней. Красноармейцы, морские пехотинцы, курсанты, рабочие, инженеры, ученые, студенты, артисты, художники с беспримерным героизмом бились за родной город.

Взятый в огромные клещи, под бомбежками, артобстрелами, испытывая невиданные лишения, Ленинград не только выдержал осаду, но и снабжал фронт оружием, боеприпа-

сами, снаряжением. Первым из советских городов в январе 1944 года Ленинград получил высокое право произвести на берегах Невы салют Освобождения.

В БЛОКАДНОМ ОГНЕННОМ КОЛЬЦЕ

В стратегическом плане порабощения стран Западной Европы и СССР немецкое командование захвату Ленинграда отводило особое место. Город должен был быть взят к 21 июля, и только после его падения, уничтожения Балтийского флота войска вермахта могли успешно наступать на Москву. Командовал группой армий «Север» покоритель Европы фон Лееб, оккупировавший Данию за один день, Голландию за 6 дней, Бельгию за две недели, Францию за полтора месяца...

21 июля 1941 года немецкие войска не маршировали по улицам Ленинграда, а, как известно, безуспешно пытались взломать Лужский рубеж. Моторизованные дивизии вермахта, в первые недели войны продвигавшиеся к Ленинграду со скоростью 26 километров в сутки, были остановлены в предполье Луги на 45 суток. Вместе с красноармейцами, краснофлотцами, курсантами военных училищ отпор захватчикам давали и бойцы дивизий народного ополчения – вчерашние рабочие фабрик, заводов, служащие учреждений, преподаватели, студенты, артисты, художники, писатели...

Сражения на Лужском рубеже не только развеяли миф о непобедимости немецкого оружия, но и дали возможность

перебросить на восток страны многие промышленные предприятия, эвакуировать часть населения, возвести вокруг города мощную оборону.

В книге Александра Скокова дается широкая картина тех грозных лет. Под бомбежками и артобстрелами, испытывая невиданные лишения, Ленинград не только выдержал осаду, но и снабжал фронт оружием, боеприпасами, снаряжением. У стен Ленинграда в полной мере проявился полководческий талант крупных военачальников – Л.А. Говорова, И.И. Федюнинского, Н.П. Симоняка... Первым из советских городов в январе 1944 года Ленинград получил высокое право произвести на берегах Невы Салют освобождения. Эта Победа воздвиглась из частиц каждодневного подвига и офицера линкора «Марат» Вадима Германовича Бенеманского, и краснофлотца с бронепоезда № 3 °Сергея Соломина, и студента-ополченца Игоря Клинова, и медсестры госпиталя на Садовой Лиды Разумовской, и слесаря железнодорожных мастерских Таи Васильевой, и многих других ленинградцев, о блокадной судьбе которых вы прочитаете в этой книге.

В.М. КИПРСКИЙ,

генерал-майор в отставке,

председатель Совета ветеранов Адмиралтейского района

Санкт-Петербурга

ГРОМИЛ БРОНЕПОЕЗД ВРАГА

ГРОМИЛ БРОНЕПОЕЗД ВРАГА

Летом 1941 года, когда в ожесточенных сражениях с полчищами немецко-фашистских захватчиков решалась судьба Ленинграда, руководство города и военное командование принимают решение о строительстве бронепоездов – подвижных «крепостей на колесах», способных в критические моменты поддержать мощным огнем героические усилия защитников Невской твердыни.

В августе – сентябре – октябре 1941 года в Ленинграде было построено 18 таких «крепостей на колесах», которые после оснащения, укомплектования сразу отправлялись на фронт, приблизившийся вплотную к стенам города. Дивизионы бронепоездов, которыми командовали опытные командиры – майоры Михайлов, Фарутин, Шпартко, – громили врага и в дни отражения вражеских атак, и в дни возмездия, когда советские войска пошли в наступление, прорвав в январе 1943 года кольцо блокады, а через год, в январе 1944-го, погнали неприятеля от стен Ленинграда.

Они мечтали о небе и море

Путь к Лемболовским высотам, где в ноябре 1942-го на бронепоезде № 30 принял первый бой молодой краснофлотец Сергей Соломин, начался для него летом 1941 года в небольшом городке Советске Кировской области. Девятнадцать ребят, только что окончивших 9 классов, направили через военкомат документы в Ейское летное училище. В глубинке Кировской области (лесной вятский край) они, как и многие их сверстники страны Советов, мечтали о море и небе. Мечтали и готовились. Легкая атлетика, футбол (Сергей выступал за сборную города), да еще занятия в музыкальной школе, которую он тоже закончил успешно по классу скрипки. Его музыкальный талант так пригодился потом на бронепоезде, в минуты отдыха. Правда, не скрипка – баян, но в его руках любой инструмент, даже валторна, мог тронуть слушателей до самой глубины души... На железнодорожную станцию Котельнич, за сотню километров, их маленький отряд отправился пешком – транспорта не было: с первых дней войны страна работала на фронт. Но с полпути их вернули. К Приазовью приближался фронт, училище могли эвакуировать. К тому же по приказу наркома обороны призывной возраст определили в 18 лет.

22 сентября 1942 года Сергею исполнилось восемнадцать, а 23-го повесткой его вызвали в военкомат. Накануне они

были там всей группой. Могли послать на Волгу, в Сталинград или на защиту Невской твердыни. Ребята единогласно решили: на Балтику, в Ленинград.

И снова до Котельнича пешком. На станции формировался «пятьсот веселый» для новобранцев. Двухосные теплушки с нарами показались им уютным жильем после скитаний под дождем в скверике (вокзальчик был забит ранеными), здесь уже чувствовался фронт. «Пятьсот веселый» покати туда, навстречу санитарным поездам, эшелонам с эвакуированными. Буй, Галич, Вологда, Тихвин...

9 октября, под ветром и дождем, в темноте (ни согреться, ни закурить), жались они друг к другу на причале в ожидании самоходной баржи. Наконец команда: всем в трюм. Впереди – штормовая Ладога. Сопровождал их «малый охотник» с краснофлотцем за ДШК. Моряк в бескозырке, окатываемый волнами, прикрепленный ремнями к пулемету, стал для них, новобранцев, символом балтийской отваги. А над головой, в небе, гремел яростный воздушный бой... На западном берегу прибывающее пополнение проходило через санпропускник и следовало до станции пешком. Когда объявили привал – повалились на холодную землю, кто где стоял.

Погрузка началась глубокой ночью, и уже утром их встречал город-воин Ленинград. На платформе № 1 Финляндского вокзала новобранцев приветствовали командиры и старшины. Несмотря на оцепление, кое-кому из гражданских

удалось проскользнуть к прибывшим с Большой земли. Изнуренные голодом лица, исстрадавшиеся глаза... Осенью 1942 года ценилась каждая крошка. Рядом с Соломиным оказался высокий, интеллигентного вида мужчина, истощенный, как все ленинградцы. Сергей отдал ему остатки из своего дорожного пайка.

«Смирно! Направо!» – взвод за взводом проходили они мимо памятника Ленину, укрытого насыпью, мешками с песком от вражеских бомб и снарядов. По Литейному мосту, Невскому (тогда – проспект 25 Октября) входили они в центр города, где всё – история, память, подвиг... Не только он, вятский паренек, – каждый из них, ступивший на асфальт и брусчатку ленинградских проспектов, испытал в те минуты великое потрясение. Набережные, каналы, творения великих зодчих, жилые дома с проемами амбразур, бывшие витрины, заложенные мешками с песком, плакаты на стенах, призывающие дать отпор врагу... Лик города-солдата был суров и мужествен. Во всем чувствовалась непреклонная воля ленинградцев выстоять, победить. Пасмурный день, Нева в гребешках волн, балтийский ветер в лицо, замаскированные у набережных корабли, разрушенное левое крыло Гостиного двора, Дом книги с разбитой наверху стеклянной сферой, редкие прохожие, провожающие долгим взглядом их, будущих защитников Невской твердыни. На свежих мальчишеских лицах пока еще не было печати грозной блокадной зимы.

Брусчатка Мойки привела их в Балтийский флотский экипаж. Эти пять суток, проведенные в экипаже, были наполнены тяжелой работой, на которую способны были только они, с молодой нерастраченной силой. Разгружали торф в районе Финляндского вокзала, расчищали захламленные чердаки жилых домов; в экипаже подплава они, облаченные в легкие водолазные костюмы, забравшись в огромные чаны, трамбовали ногами для засолки «хряпу».

Даже их молодых сил хватало на такой «пляс» только часов на пять. Чаны стояли во дворе, и засолка продолжалась даже во время артобстрела.

А потом были Рузовские казармы возле Витебского вокзала. Новобранцев потрясли настоящий флотский порядок и чистота, безукоризненно заправленные койки. Здесь призывники проходили мандатную комиссию и получали назначение. Соломина направили на бронепоезд № 30 Краснознаменного Балтийского флота. В ту же ночь, получив флотское обмундирование, он влился в ряды защитников Ленинграда.

На Васкеловском направлении

22 октября молодых краснофлотцев выстроили во дворе. Прощайте, Рузовские казармы, – впереди фронтовая жизнь! А передовая была совсем рядом – и с востока, и с запада, и с юга... Из Рузовских казарм их привели строем на Московский вокзал, где у платформы № 5 стояли два пассажир-

ских вагона, в которых и жили артиллеристы с бронепоезда. Сам «тридцатый» стоял в депо на ремонте. Тепло флотского братства новички почувствовали с первых минут. Их хорошо (по меркам блокадного времени) накормили, отвели места, уложили спать.

Это была большая удача – начинать боевой путь среди прославленных балтийских моряков. Экипажи бронепоездов были сформированы из артиллеристов спецдивизиона – того самого, который осенью 1941 года на Пулковских высотах, вместе с другими героически обороняющимися частями, стал непреодолимым заслоном на пути врага. В батареях дивизиона из 19 орудий, снятых с кораблей Балтфлота, 9 прибыли с легендарной «Авроры». Проявив беспримерную отвагу, многие балтийцы полегли на тех смертных рубежах, но враг был остановлен. Из оставшихся корабельных орудий и немногих уцелевших краснофлотцев, командиров стали формировать экипажи бронепоездов.

Твердая дисциплина, четкое выполнение команд, настоящая мужская дружба, отеческая забота о новобранцах дали с первых минут Соломину представление о вековых традициях российского морского братства. Шесть дней длился курс молодого краснофлотца. Изучение Устава, вооружения бронепоезда, обязанности в боевой обстановке и, наконец, под расписку – ознакомление с Приказом № 227: «Ни шагу назад!». Центральное звено бронепоезда – две бронеплощадки, оборудованные в пульмановских вагонах, защищенных

броневыми плитами, с башенными 76-мм орудиями, пулеметами... Главный командный пункт находился на паровозе, в середине состава, также имевшем броневую защиту. В отдельном бронированном вагоне размещались КП командира артиллерийской батареи, радиостанция, камбуз, помещение для караула, несколько пулеметных расчетов. Бронепоезд представлял грозную силу – кроме артиллерийского вооружения на нем было установлено около 40 пулеметов. Боевая и повседневная служба ничем не отличалась от корабельной и соответствовала распорядку на эскадренном миноносце. Те же боевые командные посты, связь – по телефону, через переговорные трубы, звонки громкого боя, ревуны... Экипаж жил по корабельному Уставу и ревностно поддерживал морские традиции. Командовал «тридцатым» опытный боевой командир М.А. Михайлов.

3 ноября бронепоезд по сигналу «аврал» двинулся на боевые позиции в сторону Васкелово для поддержания частей 23-й армии. Начиналась фронтовая жизнь. Что ждет впереди? Вспомнилось, как накануне, возвращаясь из поликлиники Военно-морской базы, он, краснофлотец, комсомолец, вдруг увидел огромный, красивый храм, возле которого стояли ленинградцы, не имевшие возможности попасть внутрь. Среди них – армейские и флотские командиры. Это был знаменитый Никольский собор, неразрывно связанный с историей российского флота, судьбами его славных сынов, не раз жертвовавших жизнью ради Отечества.

Первый бой – первый экзамен. «Быстрее, быстрее!» – подбадривал Соломина командир артиллерийской башни старшина 1 статьи Николай Шалунов. 12 выстрелов в минуту! Пот лился градом, тельняшку хоть выжимай, грохот выстрелов, звон вылетающих из казенника на железную палубу гильз, удары осколков о броню площадки снаружи, звонки громкого боя, голоса ревунов... Расчеты задыхались в едком черно-белом дыму, пока в нарушение инструкции не раздраили крышки, козырьки, лючки – и хлынул морозный воздух...

Бронепоезд выдвигался на огневую позицию, обрушивал пушечно-пулеметный шквал на укрепления противника и сразу уходил от ответного удара. (Перед выходом на передовую на карте «нарезались» маршруты с боевыми позициями и выжидательными.) К выходу на боевую позицию тщательно готовились. Боезапас, находившийся в ведении краснофлотца Соломина, размещался вдоль бортов на стеллажах, устроенных из стоек и тросов. Снаряды перед боем следовало подготовить – снять смазку, до блеска протереть, чтобы не осталось ни соринки... Только 9 ноября, выполнив задачу, «тридцатый» отошел от передовой на 2,5 километра. На собрании экипажа командир подвел итоги недельного сражения, отметил заслуги опытных артиллеристов и новичков. В Кировскую область, в городок Советск, было направлено благодарственное письмо. Там, в родной школе Соломина, состоялся митинг, на котором взрослые и дети узнали, как

достойно защищает Ленинград их земляк.

На боевые позиции бронепоезд выходил и днем, и ночью, осуществляя дерзкие огневые налеты на передний край противника и на объекты в глубине обороны, уничтожая дзоты, пулеметные гнезда, командные пункты, наблюдательные посты, живую силу неприятеля, его резервы. Точечные удары наносились в наиболее уязвимые места – в амбразуры дзотов, наблюдательных пунктов. Лучшими снайперами-артиллерами считались старшины 2 статьи Н. Нахайчук и В. Зайцев.

Противник встревожился, почувствовав удары «морского» бронепоезда, и буквально навалился на него силами нескольких батарей, стремясь уничтожить «крепость на колесах». Каждый выход на боевую позицию превращался в жестокую артиллерийскую дуэль. Судьба бронепоезда и его экипажа зависела от грамотных, быстрых решений командира, высокого профессионализма старшего машиниста, старшины 1 статьи П. Кастрицкого, слаженных действий артиллерийских расчетов, службы движения и аварийных партий.

Обстановка требовала быть в постоянной боевой готовности № 1 – каждый на своем боевом посту, возле орудий, пулеметов. И только во время редких «окошек», когда прекращалась стрельба, объявлялась боевая готовность № 2. Моряки в дреме, полусидя, устраивались на плетеных матах, прислонившись к ледяным бронированным бортам. Тогда, зимой 1942-го, было не до бытового обустройства. Это поз-

же флотские умельцы, сняв с подволока зенитные пулеметы и приспособив их на орудийные башни, вывели наружу трубы «буржук». Топили их круглосуточно, вокруг печурок по очереди отогревались партиями. О полушубках, валенках не было и речи – ботинки, бушлат на «рыбьем меху», еда больше всухомятку: хлеб, галеты, пшениный концентрат. Каждый понимал: трудно всем, в тылу и на фронте, страна в гигантском напряжении сил готовится к решающим дням. И они наступили. В конце зимы 1942-го, одновременно с битвой под Сталинградом, началась подготовка к прорыву блокады силами Ленинградского и Волховского фронтов. Началось разгромить гитлеровцев на Шлиссельбургско-Синявинском выступе и тем самым соединить по суше Ленинград с Большой землей.

В первых числах января 1943 года «тридцатый» перебазировался в район поселка им. Морозова. Настроение у краснофлотцев было приподнятое, чувствовалось: надвигаются большие события. 11 января артиллеристов ознакомили с Приказом командующего Ленинградским фронтом Л.А. Говорова, с постановлением Военного совета Ленфронта и Обращением ленинградских рабочих к бойцам и командирам фронта. Второй год изнемогавший в тисках блокады город готовился к решающему сражению. Накануне наступления артиллеристы бронепоезда еще раз проверили материальную часть, уточнили расчеты; готовил свое «хозяйство» и краснофлотец Соломин.

12 января, в 9.30, ясным морозным утром артиллеристы 67-й армии, артбатареи бронепоезда открыли мощный огонь по противнику в районе наступления стрелковых дивизий. Объекты в глубине обороны гитлеровцев громили орудия главного калибра Балтфлота. Бронепоезд должен был вести огонь не ближе 200 метров от уреза воды, чтобы не взломать невский лед, по которому вскоре бросятся наши части в атаку.

Только 18 января, после тяжелых упорных боев, войска двух армий соединились в районе поселков № 1 и № 5. В тот же день бойцы 86-й стрелковой дивизии овладели Шлиссельбургом и вышли к южному побережью Ладожского озера. Ленинград получил долгожданный коридор, по которому вскоре была проложена железнодорожная ветка.

Долгожданная весть о прорыве блокады передавалась по радио в ту ночь трижды. Краснофлотец Соломин, как и весь экипаж бронепоезда, знал: это только начало...

Имя – «Стойкий»

После операции «Искра» бронепоезд № 30 перешел из 101-й бригады железнодорожной артиллерии КБФ в состав бронетанковых войск Ленфронта. Учитывая заслуги артиллеристов, экипажу оставили морскую форму одежды, морские воинские звания, флотские уставы и наставления. Получил бронепоезд и имя «Стойкий», став ядром созданно-

го 14-го отдельного дивизиона бронепоездов бронетанковых войск Ленфронта.

Особая страница в освобождении Ленинграда от блокады – штурм Синявинских высот. Кровопролитные бои в этом районе продолжались с января до сентября 1943 года. Вместе с батареями 67-й армии артиллеристы «Стойкого» вели и точечный огонь по особо важным объектам, и «по площадям». Успех артналета зависел от интенсивности огня. 72 снаряда в минуту обрушивали на противника 6 орудий «Стойкого». «Быстрее, быстрее!» Соломину помогали готовить снаряды, снимая смазку, вторые номера пулеметных расчетов, сам он иногда заменял заряжающего. На бронепоезде взаимозаменяемость членов экипажа выручала не раз.

Летом 1943 года, в связи с заменой башенных орудий, «Стойкий» поставили в ремонт на Металлический завод им. И.В. Сталина, где в октябре грозного 1941-го бронепоезд и был построен для защиты Ленинграда.

Жизнь города после прорыва блокады понемногу налаживалась, но ожесточенные артобстрелы не прекращались, унося тысячи жизней, разрушая и обычные жилые дома, и творения великих зодчих. Точечные артобстрелы велись по школам, больницам, госпиталям, все важные объекты были пронумерованы на немецких военных картах – методично, день за днем по этим «точкам» наносились удары. Металлический завод, где проходили ремонт бронепоезда, танки, бронетранспортеры и другая военная техника, привлекал

особое внимание неприятеля. Во время артналета рабочие и военные укрывались за наклонными железобетонными плитами, установленными на территории Металлического завода. Из-за угрозы артобстрелов были запрещены увольнения в город. Однажды командир бронепоезда разрешил культпоход в кинотеатр. На подходе к «Гиганту» моряков накрыл вражеский артналет. К счастью, обошлось без потерь – спасли, как говорится, быстрые ноги.

В конце июля, после окончания рабочего дня, экипаж «Стойкого» облетела радостная весть: завтра – вручение медалей «За оборону Ленинграда». Вручали награды в старинном красивом здании во дворе Московского вокзала. В самый торжественный момент начался артобстрел депо и самого вокзала. Грохот, разрывы совсем рядом – но строй не шелохнулся. На длинных столах аппетитно дымилась пшенная каша, разлиты по кружкам наркомовские... Каша, слегка припорошенная пылью с подволока, хрустела после артналета на зубах, блестела новенькая медаль на груди краснофлотца Соломина, вокруг счастливые лица боевых друзей... Это ощущение гордости за великую Родину, нерушимости флотского братства осталось в памяти на всю жизнь.

Однажды заместитель командира дивизиона по политчасти капитан Мамедов, человек широкой натуры и большого душевного тепла, принес на бронепоезд новенький баян московского «строя». Вручил его Соломину. «Серёжа! Воюешь ты хорошо, молодец! Но можешь принести еще одну

большую пользу».

И дал поручение: побывать в кинотеатре «Октябрь», где с огромным успехом шел фильм «Два бойца», запомнить на слух песню «Темная ночь» и разучить ее со своим экипажем. Через несколько дней душевная мелодия композитора Богословского звучала среди моряков, напоминая каждому о его малой родине, о любимых, родных, защищая которых они третий год бились на огненных рубежах.

Вперед, на запад

Взросшая мощь Красной армии, ее технического вооружения, успехи в масштабных операциях 1943-го позволили советскому командованию поставить вооруженным силам грандиозную задачу – в 1944 году полностью изгнать врага с нашей земли. Первый сокрушительный удар намечалось нанести под Ленинградом и Новгородом, где в течение двух с половиной лет гитлеровцы возводили мощный укрепрайон – знаменитый «Северный вал». Немцы были уверены в его неприступности.

Ликвидацию блокады Ленинграда намечалось осуществить усилиями Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов с привлечением Балтфлота. Началась подготовительная работа. (Целая армия – 2-я ударная генерала И.И. Федюнинского – была скрытно переброшена по Финскому заливу на Ораниенбаумский плацдарм.) В то же

время готовилась к решительному броску и 42-я ударная армия генерала И.И. Масленникова, наносившая удар с Пулковских высот.

Утром 14 января более часа бушевал огненный ураган над позициями противника. 1200 пушек и минометов, более 70 установок реактивной артиллерии, орудия главного калибра кораблей и береговых батарей Балтфлота сокрушали оборону противника перед тем, как поднимутся в атаку батальоны и полки, стальной лавиной двинутся танки. Вечером этого дня, пробив брешь в обороне гитлеровцев, бои шли за сильно укрепленный пункт Гостилицы. Наконец была взломана вторая линия обороны. Немцы поспешно стягивали резервы против 2-й ударной армии, не зная, что через несколько часов, утром 15 января, после небывалой по мощи артподготовки (было задействовано 2300 орудий, около 100 «катюш», более 200 орудий Балтфлота) начнется главное наступление. На острие удара 42-й армии был поставлен 30-й гвардейский корпус генерала Н.П. Симоняка, героя прорыва блокады в январе 1943 года.

«Стойкий» поддерживал своим огнем части 42-й армии, наступавшей от Пулковских высот на Красное Село и Гатчину (Красногвардейск). А огневая сила у бронепоезда была немалая: 6 орудий, около 40 пулеметов...

Артиллеристы прокладывали путь гвардейцам, вступая в контрбатарейные сражения, подавляя узлы сопротивления противника. Несмотря на то, что гитлеровцы взорвали пло-

тину и мост на реке Дудергофке, затопили подступы к Красному Селу, штурм города продолжался. Вместе с наступающими частями «Стойкий» продвигался вперед.

19 января поздно вечером в районе Русско-Высоцкого части 42-й армии соединились с авангардом 2-й ударной. В то же время воины Волховского фронта освободили Новгород.

27 января в 20 часов Ленинград салютовал доблестным воинам Ленинградского фронта 24 залпами из 324 орудий. Это был первый победный салют вне стен Москвы, транслировался он на всю страну. Родина отмечала высокий подвиг ленинградцев.

А «Стойкий» вместе с нашими войсками двигался на запад. Завершался первый этап операции «Нева-2», в феврале начался второй. Впереди были Кингисепп, Нарва. По реке Нарве немцы возвели мощный оборонительный рубеж. Орудия «Стойкого» громили штабы, доты, дзоты...

Враг был отброшен от Ленинграда, но впереди ждали новые сражения, и не только на западе. «Стойкий» отважно сражался летом 1944 года на Карельском перешейке, где началось наступление советских войск. Войну старший краснофлотец Соломин, принявший первый бой в 1942 году у Лемболовского озера, закончил в 1945-м в Выборге.

Флот стал его судьбой. От краснофлотца до капитана первого ранга прошел путь вятский паренек, мечтавший о небе и море.

С ВЫСОТЫ МАРИИНСКОГО ДВОРЦА

Первый блокадный год

В мае 1941-го ей исполнилось восемнадцать. Экзамены, зачеты, конспекты, учебники... И все же находилось время на кино, на прогулки с подругами по весеннему городу. Дружили студентки Технологического института с курсантами Военно-медицинской академии, день рождения одного из них почти совпал с праздником Маши – вот и отмечали в компании сразу эти две даты. Курсант посвятил Маше стихотворение, в котором были строки:

Ну, а если завтра грянет бой,
Не жалея жизни будем биться
Рука об руку за Родину с тобой!

Девушки удивились: неужели все так серьезно? Будущие военные врачи знали, конечно, больше студенток...

В воскресенье Маша с утра занималась дома – готовилась к экзамену по химии. Никуда не поехала – экзамен серьезный. И вдруг – сообщение по радио. В это трудно было поверить: летний малолюдный Ленинград, дворы и улицы без

детских возгласов – все в пионерских лагерях, детских садах. А где-то уже бомбежки, пожары, льется кровь...

Ленинградцы понимали, какая угроза нависла над страной, над родным городом. Во всех районах на призывных пунктах стояли очереди добровольцев – тех, кого не вызвали повестками в военкомат. В этих очередях были и студенты, и рабочая молодежь, и люди пожилого возраста. 25 девушек из Технологического зачислили в дружинницы, выдали походную форму. Студентки младших курсов им завидовали: поедут на фронт!

Маша вместе с подругой через райком комсомола тоже пыталась получить направление, но им поручали разносить повестки, давали другие задания или отправляли с группами на рытье траншей. Началась эвакуация населения, и Машина мама вместе с ее младшим братом успела выехать в одном из эшелонов. Маша осталась в городе. Нужен был хоть какой-то заработок – вместе с подругой отправились в пригород на уборку овощей. Первая массированная бомбежка в начале сентября застала их с подругой на Московском (тогда Международном) проспекте. «Зажигалки» сыпались на крыши дождем. Оказавшиеся поблизости ребята бросились наверх, стали сбрасывать бомбы на асфальт. Группы самозащиты из населения, подразделения МПВО вели круглосуточное дежурство на крышах, чердаках, не допускали распространения огня, и все же некоторые склады, промышленные объекты, жилые дома охватил огонь, над городом сте-

лился черный дым.

Вереницы людей с пожитками и малыми детьми тянулись с окраин в центр – к родным и знакомым.

От Технологического института Маша Абарина получила направление на военный завод, выпускавший бомбы, снаряды, мины. С Васильевского на Ржевку путь не близкий, да еще целый день в цеху, на ногах, дыша парами взрывчатых веществ. Иногда приходилось оплавливать головки снарядов на жаровне, в крохотной палатке площадью всего с квадратный метр... Через каждые пять-семь минут работы Маша выбегала из палатки глотнуть свежего воздуха – и снова к жаровне. По инструкции полагалось работать в респираторе, но какой от них толк, если все негодны, засорены, а новых нет! От ядовитых испарений волосы, ногти и кожа окрасились в рыжеватый цвет. Станки с завода еще до блокады вывезли на восток, их заменили деревянные устройства с приспособлениями, позволяющими вращать, обрабатывать тяжелые «чушки» снарядов. Здесь же, в цехе, находились двухметровые корпуса бомб, пока без «начинки». Во время налета в такое «укрытие» можно было забраться и немного вздремнуть. В бомбоубежище не прятались: если поблизости рванет фугаска – все взлетит на воздух.

Первая блокадная зима была на редкость морозной – градусник иногда показывал 40–41°... Трамваи давно остановились, дорога на Ржевку занимала больше четырех часов в один конец. В центре города приходилось выбирать проход-

ные дворы, так как во время артобстрела милиция направляла прохожих в бомбоубежище. Вечером нужно было попасть домой до 23 часов, иначе задержат на мостах. Иногда Маша оставалась ночевать в цехе, положив фанерку на две бомбы и укрывшись тем, что удавалось найти.

На заводе Маша работала 4 месяца. В конце декабря вышел приказ о том, что все работники закрепляются за предприятием – объектом особой важности – до конца войны. Студентов (их было на заводе несколько человек) отпустили. Все они жили в центре города, и добираться пешком на Ржевку с каждым днем становилось все труднее. В последних числах декабря, перед первым блокадным Новым годом, Маша получила расчет. В январе навалилась цинга. Болели мышцы, суставы, подняться утром стоило немалых усилий, но надо было двигаться, выполнять намеченное на день. Самое трудное – поход на Неву с саночками, уставленными бидончиками и кастрюлями. Не так просто, лежа перед прорубью, слабой рукой зачерпнуть воды... Из-за больших потерь в начале войны армии требовалось значительное пополнение – в ее ряды стали призывать девушек. Вначале – на всеобщее обучение. Некоторых медкомиссия заворачивала из-за дистрофии, цинги. Но были и те, кто прошел отбор... Маша никак не могла натянуть валенки на опухшие ноги – носила старомодные фетровые боты. При маршировке становилась в первый ряд, но вскоре из-за сильных болей в ногах отставала, с трудом одолевала последние шаги.

Во время занятий обычно сидели вокруг «буржуйки», отвечали не вставая – не хватало сил подняться. В обед призывников кормили супом, отпуская макароны отдельно, по весу. Девушки оживали, уже выходили в зал на построение и даже могли подержать в руках винтовку.

Но поднять эту тяжесть в четыре с половиной килограмма, а тем более взять наперевес было еще не под силу. Однако день ото дня движения становились уверенней, появилась твердость в руках. Наконец стали изучать приемы штыкового боя, а с наступлением тепла ползали по-пластунски в районе Смоленского кладбища.

В мае началась запись в действующую армию. Офицер, составлявший списки, спросил, не хочет ли Маша в летную часть. Она согласилась. Но в конце мая девушек отправили в запасной полк во Всеволожск.

Первая ночь в казарме с двухъярусными нарами, сбитыми из тонкого, отполированного боками новобранцев «кругляка»... А утром – баня, стрижка и получение солдатского обмундирования. На таких худеньких и истощенных нужных размеров, конечно, не оказалось. Гимнастерка была чуть-чуть короче юбки, сапоги-скороходы – как в сказке про мальчика-с-пальчик. Ремень обхватывал талию два раза, «лишнюю» часть гимнастерки пришлось убрать назад, где она поднималась «петухом». Рукава Маша подвернула несколько раз – получились толстые обшлага. Пилотку заколола сзади булавкой.

Утром в полном обмундировании, с противогазом через плечо Маша вышла на крыльцо. Проходивший мимо офицер не мог сдержать смеха: ну и солдатик! Маша решила проучить насмешника – пройти мимо него четким строевым шагом. Браво махнула ногой – и сапог улетел вперед метра на два!

На другой день подруги поздравляли Машу с днем рождения. Вспоминала свое восемнадцатилетие, стихи курсанта-военмедовца... Сколько событий произошло за один год!

В полк прибыли «купцы» подбирать кадры. Несколько человек, в том числе и Абаринову (у кого было повыше образование), оставили в запасном полку учиться на радистов.

Занятия проводились на улице: преподавателей слушали, расположившись на траве. Погреться на солнышке после зимних холодов – лучшего класса не подыскать! Знакомились с устройством радиостанций, учили правила радиосвязи. Готовили девушек только работать с микрофоном. Морзянку изучали уже в Ленинграде, в зенитном артиллерийском полку, куда после курсов получили назначение.

Штаб полка находился в здании на углу улиц Герцена и Подбельского, сама радиостанция размещалась в Маринском дворце. Здесь же, во флигеле, и жили радиоспециалисты. В аппаратной находились радиостанция средней мощности (такие же стояли на самолетах-разведчиках), УКВ и маленькая станция РБС. Специалисты-мужчины, передавая знания новичкам, подтянув их до нужного уровня, были, ви-

димом, направлены на фронт. 12 девушек заняли их места – по четыре человека в смену.

Приходилось Маше дежурить и на командном пункте противовоздушной обороны, который находился также поблизости, возле Дома культуры связи. В отдельной комнате стоял приемник, через который поступали сведения от 12 радаров «Редут», размещенных на окраинах города. Воздушное пространство над Ленинградом было разбито на квадраты. Операторы радарных установок голосом передавали, в каком квадрате появились немецкие самолеты, какого типа, сколько их и куда направляются. Одновременно на одной частоте могли передавать сведения несколько операторов. Их нужно было различать по голосу, сведения от каждой РЛС записать на отдельный листок и моментально бросить в окошко командного пункта. Счет времени шел на секунды. Дежурный офицер на большой карте фиксировал сообщения, оповещал дивизионы и батареи ПВО, при необходимости объявлял воздушную тревогу для населения. Воздушная безопасность огромного города зависела от боевого мастерства, бесстрашия, отваги тысяч зенитчиков, летчиков, наблюдателей, технических специалистов. В этом деле была частица и их труда – двенадцати девушек-радиистов.

Командир отделения

Смену радиоспециалисты несли по 8 часов, но свободного

времени после дежурства не было ни минуты. Занимались радиотехникой: изучение схем радиостанций, устранение простых неполадок, пайка, сборка простых элементов вроде выпрямителей. Каждый день тренировались в приеме-передаче азбуки Морзе. Специалистам присваивался класс. Для первого, высшего класса требовалась передача в минуту 18 групп смешанного текста из цифр и букв. Стремительный поток точек и тире. Умение сосредоточиться, своя система наращивания скорости приемапередачи и хороший слух помогли Маше одной из первых получить высший класс – значок «Отличный связист». Ее назначили начальником радиостанции и командиром отделения. Рядовая Абарина стала ефрейтором, а затем и сержантом. На помощь со стороны рассчитывать не приходилось – девушки сами устанавливали на крышах антенны, заготавливали на зиму дрова, чистили аккумуляторы, возили, а иногда и носили их на зарядку в мастерскую возле Марсова поля.

В распорядке дня были и часы общей военной подготовки. Радиоспециалисты тренировались в стрельбе, ходили строем, ползали по-пластунски.

Обмундирование девушки привели в порядок: что-то получили со склада по своему росту, что-то перешили – находились ведь при штабе, на виду... Тревоги не становились реже, и радиостанцию УКВ, поддерживающую связь с самолетами противовоздушной обороны, перевели на крышу Мариинского дворца. Построили фанерную будку, установили

для обогрева «буржуйку».

С крыши Мариинского дворца ночью была видна светящаяся дуга вокруг Ленинграда. Немцы постоянно освещали передовую ракетами, да и в своих гарнизонах не соблюдали светомаскировку, жгли электричество в открытую. Ленинград был погружен в темноту. Ни один лучик не пробивался сквозь завешенные, зашторенные окна – за этим с улицы строго следили ночные патрули, специальная служба.

Однажды немцы, готовясь к налету, сбросили осветительные бомбы на парашютах. Центр города высветился – все стало видно, как днем. Зенитчики обрушили огонь на САБы, осколки градом посыпались на крышу дворца. Рядом с офицером-наблюдателем, разведчиком, в ту минуту оказался командир зенитного полка. Бывший художник, он засмотрелся на необычную панораму ночного города; Маша тоже выскочила, но успела взглянуть только мельком. «В будку!» – приказал командир, сам получивший осколком по усам.

По ночам Исаакиевский собор – величественный, прекрасный – загадочно возвышался на фоне пересекающихся прожекторов. Колонны в мороз покрывались инеем, потом оттаивали...

Хорошо налаженная противовоздушная оборона не позволяла немецким самолетам, как осенью 1941 года, низко летать над городом и вести прицельные бомбежки. И все же теперь, с высоты, наносились удары, регулярно велись артиллерийские обстрелы – утром, в обед и вечером, когда на

улицах народу становилось больше. Оставалась угроза нового штурма города, уличных боев. Подвальные окна завалены мешками с песком, между ними зияют отверстия амбразур. Повсюду противотанковые «ежи», надолбы. Город имел несколько поясов обороны, один из них охватывал центр.

Бывая по служебным делам в разных районах, Маша видела, сколько зданий превращено в руины. Вот наполовину разрушенный дом: висит наверху кровать, зацепившись спинкой; одежда на вешалке – чье-то разоренное семейное гнездо... Но не покидала уверенность, что все будет со временем восстановлено и город обретет свой прежний прекрасный облик.

Снаряды рвались повсюду, один из них пробил край крыши Мариинского дворца. При взрыве радистка отделения получила ранение в голову... Заставали обстрелы и на улице – взрывной волной сбивало с ног или кидало к стене. Молодость верит в счастливый случай: девушки не прятались в бомбоубежища, шутили, что для них снаряд еще не сделан. Опасность подстерегала всех, но что значила она в сравнении с теми мгновениями воздушного боя, когда их сверстники, ребята-летчики, сходились, можно сказать, врукопашную с врагом! Их голоса, крики, долетавшие из рации, раскрывали то, что происходило в ночном небе, на грани жизни и смерти...

В январе 1944 года Ленинград праздновал полное освобождение.

Весь город был на площадях, улицах – военные, штатские, взрослые, подростки, дети обнимали друг друга, поздравляли с Победой, устремлялись к Неве, где расцветивал небо салют. На этот салют Маша взяла и своего тряпичного друга – зайца. Забавная игрушка напоминала многим домашний уют, детство, мирную жизнь. Всем хотелось потрепать за уши, потрогать лапы этого блокадного зайца... Полтора года отделяли ночной салют от Дня Победы. И он наконец наступил. Многие дома на Невском были разбиты, и чтобы вид руин не омрачал праздник, фасады зашивали фанерными щитами с нарисованными окнами. Эти декорации стояли до той поры, пока дома не были восстановлены полностью.

Девушек-радисток и их 22-летнего командира демобилизовали в июле 1945 года. Провожали тепло, сердечно, каждой вручили письмо-напутствие. С нетерпением молодости они торопились в новую, мирную жизнь, где предстояло так много сделать. И только спустя десятилетия дорогой памяти они стали возвращаться назад, в то прошлое – тревожное, грозное, неповторимое...

Они отстояли не только Ленинград, страну – отстояли жизнь будущих поколений, их право войти свободными в наш великий мир.

Не забывайте об этом!

НАЧИНАЛАСЬ СЛУЖБА НА «МАРАТЕ»

О линкорах «Марат» и «Октябрьская революция» знала вся страна. Это была знаменитая кузница кадров, из которой шло пополнение флота СССР – быстро крепнущей морской державы. В немалой степени популярности «Марата» способствовало и то, что герой детворы – михалковский дядя Стёпа – служил именно на этом корабле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.